В виртуальном пространстве возникает другая интерпретация идентичности, которая устраивает все социальные группы. Таким образом, происходит стандартизация, «упрощение» способов самоидентификации, утрата человеком свободы проектирования собственной идентичности. Самым характерным примером подобной ситуации является кризис национально-культурной специфики, которая вызвана конфликтом ценностей, обобщением культуры, сужением границ реальной коммуникации.

Все вышеперечисленные факторы глобализации, становятся причиной самоизоляции личности, аномии, отчуждения, появления чувства страха, одиночества и стремления избежать его любым способом. Кризис идентичности и поиск идентичности действуют как тенденции, дополняющие друг друга.

Таким образом, процессы технизации не должны мешать человеку оставаться человеком и развивать свои «человеческие» способности. В максимально возможной степени необходимо создавать образ жизни, новую, более лояльную к человеку реальность в соответствии с законами природы – ведь не случайно, что именно в отрыве от нее мыслители разных времен видели главную причину общей деградации человека. Для понимания проблем трансформации сознания необходимо стремиться к поиску «фундамента» личности, ее основы и отказаться от рассмотрения сознания некоего абстрактного усредненного индивида, при игнорировании культурных, цивилизационных и других аспектов.

1. Демиденко Э.С. Ноосферное восхождение земной жизни: Монографический сборник статей по социально-экологической тематике. М.: "МАОР", 2003. 247 с.
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 864 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 450 с.
4. Ясперс К Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 119-146.

Тяпин И.Н.

Потенциал отечественной философии в постфилософскую эру

*Вологодский государственный университет
(Россия, Вологда)*

doi: 10.18411/lj-04-2020-129

idsp: ljjournal-04-2020-129

Аннотация

Проблема оригинальности, идейно-концептуального и методологического значения русской и советской философии для мирового «духовного капитала» остается открытой и дискуссионной. Критические оценки сводятся к нескольким определенным, но односторонним аргументам, в то время как защита отечественной мысли – к комплексному, но не вполне определенному сравнению с философией Запада. Большинство авторов видит главное значение русской мысли XIX начала – XX в. в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты, который подспудно нашел отражение в советской философии. Важнейшим проявлением укорененности такого подхода стало преодоление частью философского сообщества современной России втягивания в орбиту системного кризиса западной философии и сохранение у российской философии потенциала для построения на базе критического анализа суицидальных доктрин адекватных жизнеутверждающих концепций.

Ключевые слова: русская философия, философия в СССР, содержательная полнота, методологический потенциал, кризис западной философии, постфилософия.

Abstract

The problem of originality, ideological, conceptual, and methodological significance of Russian and Soviet philosophy for the world's "spiritual capital" remains open and debatable. Critical assessments are reduced to a few definite but one-sided arguments, while the defense of Russian thought is a complex but not quite definite comparison with the philosophy of the West. Most authors see the main significance of Russian thought in the XIX - XX centuries in the development of a methodological approach based on the principles of lax systematization, rejection of extremes and content completeness, which was latently reflected in Soviet philosophy. The most important manifestation of the rootedness of this approach was the overcoming by a part of the philosophical community of modern Russia of the pull into the orbit of the systemic crisis of Western philosophy and the preservation of the potential for building adequate life-affirming concepts on the basis of critical analysis of suicidal doctrines.

Keywords: Russian philosophy, philosophy in the USSR, content completeness, methodological potential, crisis of Western philosophy, postphilosophy.

Споры о том, является ли отечественная философия значительным явлением в мировой мысли, до сих пор носят достаточно резкий характер, не сформировав (по причине разнообразия направлений и в силу обстоятельств политико-идеологического характера) в качестве итога какого-то преобладающего мнения. Пафосность и субъективность характерны для оценок как с «плюсом», так и с «минусом», когда одно крайнее суждение вызывает и поддерживает противоположное. Если роль русской мысли для формирования национальной идеи определена и признана (правда, опять же с полярными оценками правоты), то вопрос о ее *внешнем* значении остается открытым. Необходимость взвешенной оценки отечественной философии до и после 1917 г. давно назрела, что особенно актуально в ситуации фактического преследования философии в полутоталитарном технизированном мире и ее аналитическо-постмодернистского вырождения.

Позиция скептиков сводится к следующим положениям: 1) отсутствие длительной философской традиции (всё мировоззренческое наследие, начиная от «Изборника» и «Слова о законе и благодати» и заканчивая К. Истоминым, объявляется в лучшем случае предфилософией, а последующее академическое богословие (к примеру, Ф. Лопатинского) и философия русского Просвещения – не содержащими ни «грамма» оригинальности); 2) существование в режиме «идейного импорта» в дальнейшем, на протяжении XIX–XX вв., так что свободная от прямого подражания, зависимости и эклектики русская философия вообще не начиналась (даже В.С. Соловьев обвиняется в том, что «не оставил не только законченной системы или хотя бы вполне законченной концепции, но не разработал даже в философском смысле ни одной из основных проблем философии» [8, с. 786]); 3) контекстуальный, «не развернутый» характер решения важнейших для «классической» философии онтологических и гносеологических проблем; 4) фрагментарность идейного влияния русских мыслителей на зарубежную философскую мысль (к числу редких исключений можно отнести фактическое заимствование О. Шпенглером концепции Н.Я. Данилевского, «погружение» в Ф.М. Достоевского, знакомство французских экзистенциалистов с идеями Н.А. Бердяева и других носителей «нового религиозного сознания») и слабый интерес к ней со стороны последней.

С другой стороны, в статьях и монографиях тех специалистов по русской философии, кто внимательно и с уважением относится к ее наследию, наличествует определенный разрыв между, с одной стороны, «эмпирическим уровнем», весьма глубокой конкретикой и, с другой стороны, выводами, слишком общими, метафоричными, когда заключение, по сути, заменяется яркими, образными цитатами самих же персоналий-объектов.

В тех же случаях, когда оценку значимости все же приходится давать, распространенным приемом является подход, озвученный В.Л. Обуховым: «Если оценивать русскую философию с позиции европоцентризма, то придется признать, что она по всем пунктам уступает западной. Но если подходить не предвзято, объективно, то окажется, что русская и западная философия – это равновеликие духовные явления, и русская философия не ниже и не хуже, она просто другая» [5, с. 82].

Впрочем, историки философии все же производят определение специфики русской дореволюционной философии и философии «первой волны» эмиграции. Предлагаемые ими варианты не противоречат, а дополняют и отчасти повторяют друг друга. Скажем, тот же В.Л. Обухов, по пунктам сравнивая западную и русскую философскую традиции, называет в числе признаков последней *антропоцентричность* (обращенность онтологии, прежде всего, к человеку, социуму, этике, эстетике), *поиск истины как основы справедливой жизни* (а не бесстрастного теоретического понимания), *гносеологический реализм* (единство рациональных и иррациональных форм) и др. [5]. В.Н. Сагатовский выделяет: *ориентацию на решение* (а не просто постановку) *проблем*, *антропокосмизм*, *аксиологичность* (единство духовных ценностей как основы выбора целей и средств деятельности), *стремление к целостности* (бытия и познания), *онтологизацию субъективного* (самодостоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость) [7]. К этому можно добавить часто встречающиеся (в работах Е.С. Гревцовой, Л.Г. Подлевских, В.В. Сербиненко и др.) утверждения об *экзистенциальной ориентации*, *приоритете жизнесмысловых проблем* – любви, счастья, *синергизме/синергичности* – культивировании идеи соединения энергий, воли, *праксиологичности*, когда познание уже прямо толкуется как событие бытия, *социальном активизме*, *положительной, основополагающей функции по отношению к идеологии* и через нее к обществу и др.

Отражением сохраняющейся двойственности в определении значения русской мысли может служить, к примеру, монография М.А. Маслина [4], где, как отмечает А.А. Ермичёв, наличествуют противоположные суждения о наличии или отсутствии «самобытности», национального своеобразия русской мысли [2].

Тем не менее, можно понять, что большинство авторов видит главное значение русской мысли в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты (онтолого-гносеолого-аксиологического синтеза). Стоит привести мысль И.И. Евлампиева о том, что в конце XIX – начале XX в. русская философия вышла на передний край общеевропейского развития, стала лидирующей традицией в общеевропейском движении к новым формам содержательной философии в связи с продолжающимся наступлением эмпиризма в западной философии, тогда как только в национальной философской традиции сохранилась парадигма подлинной – *мистической* – философии (исходящей из того, что все самое важное в мире глубоко спрятано от непосредственного опыта и требует развития особых форм постижения, не поддающихся строгой рационализации и систематизации) [1, с. 138]. Добавим, что это была в основном философия доказательная. Не терявшая связи с логикой, здравым смыслом и *исправлявшая недомыслие* (по выражению А.Ф. Замалеева) западной философии. Мессианская, но редко утопическая (напротив, выработавшая принципы органического единства морали и права, личности и общества и т.д.). Убежденная в осуществимости полноты Истины, торжества Добра, возрождения Красоты.

Своеобразный отзвук эта методология полноты, взвешенности, апеллирования к высшим ценностям и идеальному в конце концов нашла и в «зрелой» советской философии (к примеру, метафизические интуиции Г.П. Щедровицкого, А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова или философский «спор с самим собой» А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина). Оценки ее истории также различны при доминировании в качестве стержневой идеи признания наличия в СССР выдающихся философов-одиночек, существовавших в

системе догматизированного, схоластического диамата. Однако в совокупности можно назвать не один десяток имен таких «одинок», самореализация которых была бы невозможной вне «общего контекста» и деятельности значимого философского сообщества. В рамках марксистской парадигмы советская философия достаточно плодотворно развивалась в области онтологии, теории познания, логики и методологии науки, эстетики. Бесспорные успехи были достигнуты при рассмотрении проблем идеального, деятельности, образа жизни, системного подхода, систематизации всеобщих категорий. Реально советская философия выступала примером синтеза классического и неклассического способов философствования; диалектический материализм соединился здесь с философским сциентизмом и этическим абсолютизмом. Это была все-таки «философия жизни», но не столько индивида, сколько гармонично развитой «коллективной личности» общества, человечества. По словам В.Н. Поруса, «диалектико-логические принципы наполнялись конкретным содержанием... Диалектико-материалистическая философия была поставлена в условия, когда ей приходилось доказывать свои положения, а не стоять в позе глашатая несомненных истин» [6, с. 163].

В постсоветское время, с его архаизацией и духовной деградацией общества, отечественная философия, лишившись высокого статуса «царицы наук» и основания практики, пережила период столкновения нескольких парадигм. «Переболев» постмодернизмом и техницизмом, она смогла найти силы преодолеть тотальность «игры в бисер» и выбора не между истиной и ложью, а между фантомами «старого» и «нового», «прогрессивного» и «реакционного». Именно эта выживаемость, а отнюдь не показатели цитируемости отечественных авторов разных эпох, особенно в современную «эру» пост/псевдофилософии (принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной манипулятивной цели), где *«мелкие будто бы философы суетно воспроизводят и по мере силы своих, плененных текущей ситуацией путано безжизненных умов, подобно мотылькам летящим на гибельный свет, плодят все новые и новые формы суицидной идеологии»* [3, с. 16], и может служить главным индикатором ее значимости и потенциала. Это не исключает необходимости систематической работы историков философии по определению конкретной новизны идей русских и советских философов для своего времени и обобщению этих наработок. Но еще более важной целью в условиях завершения превращения западной философии (избавившейся от «репрессивного» наследия классики) в инструмент поддержки и псевдообоснования суицидных доктрин трансгуманизма, гендерологии, глобализма, цифровизации и др., становится осуществление критического анализа последних и использование мировоззренческо-методологического потенциала для построения адекватных концепций человека, общественного устройства и социальной этики.

1. Евлампиев И.И. Историческое значение русской философии // Вече. 2015. № 27-1. С. 131-143.
2. Ермичев А.А. О содержательной особенности нашей философии (Размышления над книгой М.А. Маслина «Разноликость и единство русской философии») // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 101-107.
3. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
4. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 526 с.
5. Обухов В.Л. Место русской философии в мировой философии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 80-88.
6. Порус В.Н. Феномен «советской философии» // Высшее образование. 2006. № 11. С. 154-166.
7. Сагатовский В.Н. Есть ли будущее у русской философии // Вестник РХГА. 2009. Том 10. Вып. 1. С. 121-132.
8. Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. 976 с.